

А. И. Доватур

ОРГЕТОРИГ И АРИОВИСТ

(Цезарь. Записки о Галльской войне. I, 2—4, 44)

Едва ли какая-нибудь часть «Записок о Галльской войне» вызвала в исторической и филологической науке столько противоречивых толкований и такое разногласие мнений, как рассказ о войне Цезаря с гельветами (I, 2—29).

Вероятно, не будет преувеличением сказать, что отношение ученых нового времени к «Запискам о Галльской войне», в сущности, в первую очередь определяется их отношением к описанию гельветской кампании. Те, кто находят в этом описании нагромождение противоречий, несуразностей, злостных искажений действительности, не могут спокойно и с доверием относиться и к дальнейшим рассказам Цезаря. Наоборот, те, кто умеет построить свое изложение этой кампании на основе Цезаря, руководясь его показаниями, стремятся и далее не выпускать из рук той путеводной нити, в надежности которой они убедились с самого начала.

Линию Авла Гирция, восторженно отзывающегося о «Записках» Цезаря (Предисловие к VIII книге), продолжают все те историки, которые признают рассказ Цезаря о галльских войнах вообще и, в частности, — о гельветской кампании — заслуживающим доверия и, иногда с теми или иными поправками и сомнениями, руководятся им в своих построениях. Оставляя в стороне совсем старые работы и некоторые специальные труды (упомянутые в подстрочных примечаниях), мы должны назвать Друмана¹, Моммзена², Дюрюи³, Наполеона III⁴, Холмса⁵, Жюллиана⁶, авторов Кембриджской Древней истории⁷.

Враждебную Цезарю линию в исторической науке нового времени принято начинать с Эйхгейма, — в действительности, ее можно проследить и ранее. В XVII в. французский иезуит Монэ выражал неудовлетворенность главным образом географическими и топографическими показа-

¹ W. D r u m a n n, Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung, III, 2 Aufl., Lpz, 1906, стр. 220 слл.

² Th. M o m m s e n, Römische Geschichte, III, 8 Aufl., B., 1889, стр. 250 слл.

³ V. D u r u y, Histoire des Romains depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'invasion des Barbares, III, Nouv. éd., P., 1881, стр. 144 слл.

⁴ N a p o l é o n III, Histoire de Jules-César, II, P., 1866, стр. 41 слл.

⁵ T. R i c e H o l m e s, Caesar's conquest of Gaul, L., 1899; он же, The Roman republic and the founder of the Empire, II, Oxford, 1923, стр. 271 слл.

⁶ C. J u l l i a n, Histoire de la Gaule, III, P., 1909.

⁷ САН, IX, 1932, стр. 550 сл.

ниями Цезаря¹. Далее, в 1816 г. мы встретим авторитетное в военных вопросах мнение Наполеона I — тем более интересное, что оно прямо относится к описанию гельветской войны и высказано в виде совершенно конкретных вопросов в одной из бесед на острове св. Елены:

«Император говорил также, что он находит... у самого Цезаря подробности галльской войны, которых он не может понять. Ему были совсем непонятны — вторжение гельветов; путь, которым они пошли; цель, которая им приписывалась; время, которое они потратили на переход через Сону, и т. д.; проворство Цезаря, который имел время отправиться в Италию за легионами до самой Аквилеи и нашел захватчиков все еще при их переходе через Сону и т. д.»².

Всех этих недоуменных вопросов Наполеон не мог вычитать в тех трудах по древней истории, из которых он сам и его современники черпали свои исторические познания — Роллена с его продолжателем Кретье, а также аббата де Верто, бесхитростно повторявших рассказ Цезаря³. Вопросы Наполеона — сомнения полководца, который сам около этого времени диктовал, пользуясь отчасти некоторыми очень несовершенными пособиями, главным же образом — своей памятью, историю своих итальянских кампаний.

В сущности, враждебная Цезарю критика позднейших ученых вращается вокруг тех вопросов, которые намечены пленником св. Елены: причина выступления гельветов, их цель, — с добавлением нескольких других. Различие в том, что Наполеон не понимал, то есть требовал и искал объяснения (а затем отчасти и нашел его)⁴, позднейшие же критики отрицают и опровергают, нередко притом ставя на место показаний Цезаря свои собственные, часто очень рискованные, построения. Этим путем идут Эйхгейм⁵, Раухенштейн⁶, Дельбрюк⁷, Ферреро⁸ и некоторые другие (упомянутые ниже в подстрочном примечании). Одни более осторожно (Раухенштейн, Дельбрюк), другие очень смело (Эйхгейм, Ферреро) разбирают

¹ Ph. M o n e t u s, Geographia Galliae veteris recentisque, Lugduni, 1634, стр. 6 сл., 9 сл., 14 сл., 17, 84, 103 сл., 344 сл., 338 сл., 341. На приоритет Монэ указывает С. J u l i a n, ук. соч., III, стр. 149, прим. 1.

² Mémorial de Sainte-Hélène, par le comte de Las Cases, II, P., 1823, стр. 410 сл. (Mars 1816, jeudi 21 — vendredi 22).

³ C r é v i e r, Histoire Romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium (pour servir de continuation à l'ouvrage de M. Rollin), XII, 1767, стр. 348 сл.; Abbé de V e r t o t, Histoire des révolutions arrivées dans le gouvernement de la république Romaine, III, La Haye, 1720, стр. 204 сл. (конспективное изложение событий Галльской войны). — Мнения Наполеона: «Оба они (Роллен и его продолжатель Кретье) бездарны, лишены направленности (sans intention), бесцветны» (Mémorial, II, стр. 407). — «Он часто просматривал Роллена и находил его расплывчатым и слишком благодушным. Кретье, его продолжатель, казался ему отвратительным» (там же, стр. 175). — «...Верто, которого император, впрочем, ставит высоко...» (там же).

⁴ На о-ве св. Елены он продиктовал краткое изложение истории войн Цезаря, в котором дал реальное объяснение ряда не вполне ясных мест у Цезаря: N a p o l é o n I, Précis des guerres de César (écrit par Marchand sous la dictée de l'empereur), P., 1836. — Переиздано в Correspondance de Napoléon I, т. 32, 1870, стр. 1—89 (о гельветях, стр. 3—6).

⁵ M. E i c h h e i m, Die Kämpfe der Helvetier, Sueben und Belgier gegen C. J. Cäsar, Neuburg a. D., 1866, стр. 32—52.

⁶ H. R a u c h e n s t e i n, Der Feldzug Caesars gegen die Helvetier, Diss. (Jena), Zürich, 1882.

⁷ H. D e l b r ü c k, Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte, I, 3. Aufl., B., 1920, стр. 495 сл.

⁸ G. F e r r e r o, Grandezza e decadenza di Roma, II, Milano, 1912, стр. 1—19. G. F e r r e r o, Grandeur et décadence de Rome, II, P., 1907, стр. 1 сл., 426—446. Г. Ф е р р е р о, Величие и падение Рима, II, пер. А. Захарова, М., 1916, стр. 1—6, 322—342. — В дальнейшем мы ссылаемся на французский и русский переводы Ферреро (в указанном здесь итальянском издании нет специального приложения, касающегося гельветской кампании).

Цезаря, уличают его в погрешностях и неточностях и, уловив тенденцию автора несколько затушевать неудачу, разукрасить неполный успех, представить в благовидном свете свои действия, не ограничиваются сомнениями, поправками, отрицанием, но пытаются рассказывать от себя, противопоставляя свидетельствам Цезаря свои собственные догадки. В итоге вся история кампании против гельветов объявляется фальсификацией.

Таким образом, одни строят историю гельветской кампании по Цезарю¹, другие наперекор Цезарю². Пример Жюллиана, давшего в своей «Истории Галлии» полную историю галльских войн, основанную на «Записках» Цезаря, показывает, каким ценным историческим источником является труд Цезаря для прагматического исторического повествования.

Есть, однако, в рассказе Цезаря о его войне с гельветами один эпизод, который вызывает много недоумений и сомнений даже у историков, склонных относиться с доверием к показаниям Цезаря. Это — изложенный в I книге в главах 2—4 эпизод с Оргеторигом — прелюдия к истории гельветской войны.

Здесь рассказывается предыстория всех галльских войн, события, предшествовавшие не только появлению Цезаря в Галлии, но и самой передаче ему в управление Нарбонской провинции. Смерть Оргеторига обычно относят к весне 60 г. до н. э. Хотя эта датировка до некоторой степени является гадательной, однако совершенно бесспорно, что это событие произошло до того, как — после внезапной смерти Метелла Целера — сенат присоединил оставшуюся без правителя трансальпийскую Галлию к ци-

¹ Кроме названных выше, см., например, J. F. Roesch, *Commentar über die Commentarien des Cäsar als eine Beantwortung der Remarques sur César von W.*, Halle, 1783, стр. 146 слл.; Н. К ö c h l y u. W. R ü l t o w, *Einleitung zu G. Julius Caesar's Commentarien über den Gallischen Krieg*, Gotha, 1857, стр. 111 слл.; F. de S a u l c y, *Guerre des Helvètes* (напечатано дважды: *Revue archéologique*, N. S., II, 1860, стр. 165 слл., 242 слл., 313 слл., и сб. работ того же автора «*Les campagnes de César dans les Gaules*», I partie, P., 1862, стр. 227 слл.); L. F a l l u e, *Conquête des Gaules, analyse raisonnée des Commentaires de Jules César*, P., 1861, стр. 4 слл.; J. M a i s s i a t, *Jules César en Gaule*, I, P., 1865, стр. 316 слл.; A. V. G ö l e r, *Caesars Gallischer Krieg und Theile seines Bürgerkrieges*, 2 Aufl., I, Freiburg i/B.u. Tübingen, 1880, стр. 1 слл.; M. A. M i c a l e l l i a, *L'emigrazione degli Elvezi nell' anno 58 av. C.*, *Bollettino di filologia classica*, V, 1899, стр. 135 слл.; L. Z i e h e n, *Der neueste Angriff auf Cäsars Glaubwürdigkeit in der Darstellung der Helvetierkriege*, Bericht des freien deutschen Hochstifts zu Frankfurt am Main, N. F., XVII, 1901, стр. 96 слл.; E. G. S i h l e r, *C. Julius Caesar. Sein Leben nach den Quellen kritisch dargestellt*, Lpz. u. B., 1912, стр. 81 слл.; A. K l o t z, *Der Helvetierzug*, *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum*, XXXV, 1915, стр. 609 слл.; G r a e b e u P.—W.—Kr., s. v. *Julius (Caesar)* — (131), XIX, 1917, стб. 201 сл. — Также историки Франции — см., например, E. L a v i s s e, *Histoire de France*, I, 2, P., 6. г., стр. 87 слл. — Особую позицию занимает J. C a r c o p i o, *César*, P., 1936 (*Histoire générale publiée sous la direction de G. Glotz. Histoire ancienne*, часть III — *Histoire Romaine*, т. II, 2), стр. 703 сл., 709 слл.: история гельветской кампании рассказана по Цезарю, битва при Бибракте признается решительной победой Цезаря, но в некоторых вопросах (численность гельветов, их мирные намерения) автор присоединяется к мнению критически настроенных историков, в соответствии со своим положением, что Цезарь свободно обращается с истинной (стр. 694, прим.; ср. стр. 704, прим. 24). По-видимому, на такой же точке зрения стоит, судя по его кратким замечаниям, L. A. C o n s t a n s, *Introduction (César, Guerre des Gaules*, I, 2-me éd., P., 1937), стр. XV сл.

² Кроме названных выше, см., например, статью, подписанную тремя инициалами R. G. P. (*The «Commentaries of Caesar» considered as apocryphal*. «*Colburn's United Service Magazine and Naval and Military Journal*», L., 1850, I, стр. 521 слл., II, стр. 454). Указав на ряд (по большей части мнимых) погрешностей в сообщениях Цезаря, автор приходит к заключению, что Цезарь не мог быть автором ни истории галльской, ни истории гражданской войны. — Сюда же — de W[arneru], *Mélanges et remarques surtout sur César et autres auteurs militaires anciens et modernes*, Varsovie, 1782, стр. 16 слл.

зальпийской Галлии и Иллирику, назначенным в управление Цезарю — по закону Ватиния¹.

Здесь — завязка всех дальнейших войн, здесь — объяснение и оправдание вторжения Цезаря в независимую Галлию и, в конечном счете, всей его галльской эпопеи. Понятен тот интерес, которым окружены приведенные выше главы «Записок». В них ищут и не находят прямого и ясного ответа на ряд возникающих вопросов; мало того, нет даже согласованных и согласуемых данных для построения такого ответа. Всякому исследователю приходится, прежде чем воспользоваться сообщаемыми здесь Цезарем сведениями — отбирать, согласовывать, отбрасывать, объяснять, чтобы в результате получить картину, лишь отчасти отражающую рассказ Цезаря.

Мы не будем подробно разбирать вопрос о причинах и целях переселения гельветов. Совершенно бесспорным является стремление Цезаря выдвинуть на первый план и представить возможно нагляднее ту опасность, которая возникала для римской власти в Галлии в связи с переселением гельветов. Обширные планы гельветов грозят созданием большого объединения галльских племен и водворением враждебных Риму гельветов в области, соседящей с римской провинцией — с той стороны, где обороняться от них труднее, чем со стороны аллоброгов и Роны. Рядом с этим все остальное не имеет в его глазах большого значения и не привлекает к себе его внимания. Мы не найдем в изложении Цезаря фактов, интересных для нас, но не служащих подтверждению его основной мысли о гельветской опасности².

Вопрос о роли Оргеторига, может быть, — самый неясный из всего ряда интересующих нас вопросов, зато именно в нем можно надеяться найти ключ к объяснению всех особенностей этих вступительных глав к истории гельветского похода.

Рассказ Цезаря таков. Знатнейший и богатейший гельвет Оргеториг является инициатором выселения гельветов, которым он рисует блестящую перспективу основания гельветской империи в Галлии (I, 2, 1—2). При этом он опирается на гельветскую знать, с которой он вступает в заговор (I, 2, 4), очевидно, с целью заручиться ее поддержкой при решении вопроса о переселении. Сам он руководствуется честолюбивым стремлением захватить царскую власть над своим племенем — *regni cupiditate inductus* (I, 2, 4). В течение двух лет должны быть осуществлены подготовительные меры (I, 3, 1—2). Чрезвычайные полномочия, полученные Оргеторигом, ставят его во главе всего дела по подготовке похода (I, 3, 3). Сам он берет на себя при этом посольство к другим племенам (I, 3, 3). В качестве посла гельветов он является к секванам и эдуям и тут вступает в соглашение с секваном Кастиком и эдуем Думноригом, которых убеждает объявить себя царями среди своих племен, обещая им при этом свою помощь; Думноригу он дает в жены свою дочь (I, 3, 4—6). В более отдаленном будущем имеется в виду господство союза трех подвластных им могущественнейших галльских племен над всей остальной Галлией (I, 3, 7). О замыслах Оргеторига гельветы узнают из доноса (I, 4, 1). Оргеториг заключен в оковы, ему грозит смертная казнь через сожжение (I, 4, 1). В назначенный для суда день виновный скрылся при помощи своих много-

¹ Хронология событий — на основании новейших трудов: *lex Vatinia* — САН, IX, стр. 518 сл. — май или июнь 59 г.; *С а г с о р и о*, ук. соч., стр. 687 сл. — апрель 59 г. (по другим мнениям — см. там же, стр. 688, прим. 304 — в конце 59 г., в начале марта 59 г., в феврале 59 г.), трансальпийскую Галлию Цезарь получил, по *Caesario*, в конце апреля 59 г.

² В сущности, к такому же выводу приходит и *M. R a m b a u d*, *L'art de la déformation historique dans les Commentaires de César*, P., 1953, стр. 112 слл.

численных рабов, клиентов и должников (1,4, 2). Должностные лица начали собирать людей, чтобы силой заставить Оргеторига подчиниться постановлению племени (I, 4, 3), но в это время Оргеториг внезапно умер, — может быть, сам покончил с собой (I, 4, 4).

Исследователи, за одним исключением¹, признают — в согласии с Цезарем — крупную роль Оргеторига как инициатора и организатора (в подготовительной стадии) переселения гельветов. Не подвергаются сомнению честолюбивые замыслы гельветского вождя и план захвата царской власти. Дальше мнения расходятся. Для одних переговоры Оргеторига у секванов и эдуев представляли собой выполнение первоначального плана, хотя и с добавлениями в интересах Оргеторига², для других они были отклонением от первоначального плана, предательством по отношению к гельветскому народу и гельветской знати³. Вопрос о предполагавшемся основании гельветской империи в Галлии также дает повод к разногласию. По одному мнению, Оргеториг работает над планом изгнания Ариовиста и об этом же думают его союзники — секван Кастик и Думнориг, глава демократической партии у эдуев. При детализации этого положения — опять расхождение. Указанная главная цель намечалась только в общих чертах без конкретизации предстоящего образа действий⁴; или — образ действий определялся взглядами Думнорига, который хотел изгнать германцев силами галльских племен, опираясь главным образом на гельветов и не прибегая к помощи римлян, связанных с братом Думнорига Дивициаксом и аристократической партией эдуев⁵; или — можно догадываться не только об общей политической линии, но и о том, как должны были начаться военные действия против Ариовиста: под предлогом переселения в область сантонов гельветы появляются в области эдуев и, прежде чем Ариовист поймет в чем дело, поднимают общее восстание⁶. В противоположность этому иногда делается указание на то, что самая необходимость устранения Ариовиста могла быть не вполне очевидной для трех галльских политических деятелей, заключивших между собой союз⁷. Здесь можно оставить в стороне всех тех историков, которые только повторяют рассказ Цезаря или вовсе не касаются деятельности Оргеторига. Каковы последствия смерти Оргеторига? Ответы разноречивы. Меняется весь план гельветов, они думают только о выселении⁸ — Цезарь неправ, забывая в своем рассказе о гельветском походе планы захвата власти над всей Галлией, которые были сообщены им выше, в рассказе об Оргеториге⁹. Третье мнение: смерть Оргеторига принесла временное успокоение¹⁰. Далее, для большинства Оргеториг — инициатор всех крупных планов и начинаний, связанных с его именем, но иногда его считают только самым умным агентом эдуа Думнорига¹¹.

Следует признать, что рассказ Цезаря действительно вызывает ряд вопросов и во многих отношениях отличается неясностью. Оргеториг составил заговор знати и убедил гельветов выселиться, имея при этом чисто-эгоистические побуждения. В то же время оказывается, что его предло-

¹ R a u c h e n s t e i n, ук. соч., стр. 48 (крупную роль Оргеторига, по его мнению, доказать нельзя).

² D e l b r ü c k, ук. соч., I, стр. 504 сл.; J u l l i a n, ук. соч., III, стр. 160; САН, IX, стр. 547.

³ F e r r e r o, ук. соч., II, стр. 432.—Ф е р р е р о, ук. соч., II, стр. 328 сл.

⁴ J u l l i a n, ук. соч., III, стр. 161.

⁵ F e r r e r o, ук. соч., II, стр. 437 сл.—Ф е р р е р о, ук. соч., II, стр. 335 сл.

⁶ D e l b r ü c k, ук. соч., I, стр. 505.

⁷ САН, IX, стр. 547.

⁸ F e r r e r o, ук. соч., II, стр. 431, 439.—Ф е р р е р о, ук. соч., II, стр. 324 сл.

⁹ D e l b r ü c k, ук. соч., I, стр. 513.

¹⁰ J u l l i a n, ук. соч., III, стр. 165 сл.

¹¹ F e r r e r o, ук. соч., II, стр. 440.—Ф е р р е р о, ук. соч., II, стр. 338.

жение вполне соответствует интересам гельветского племени, осознанным и без посредства Оргеторига. Смерть его не приостанавливает осуществления плана и вообще ничего не меняет. Далее, совершенно непонятен смысл заговора знати. Как подготовительный шаг к постановлению о выселении заговор не имеет смысла: дело решается настроениями, господствовавшими среди самого племени. Личные цели Оргеторига не встретили сочувствия среди знати, как видно из того, что не она, а зависимые от него группы населения (среди которых могли быть только некоторые слои этой знати) вырывают его из рук правосудия. В рассказе Цезаря, таким образом, не сведены концы с концами.

Эта особенность рассказа Цезаря требует объяснения: ведь не может быть и речи о неумении составить ясный и понятный рассказ.

Что представлял собой Оргеториг?

Для суждения об этом у нас есть, в сущности, только материал Цезаря. Два других источника в счет не идут. Дион Кассий, вообще зависящий от Цезаря¹, делает Оргеторига предводителем гельветов во время их похода — *Ὀργητορίδος στρατῶν ἡγεμόνου*, (XXXVIII, 31,3), то есть заставляет его действовать после смерти. Своеобразную, но нереальную картину дает Орозий. Оргеториг возбудил воинственный пыл гельветов надеждой зажечь войну во всей Галлии. *Quo ceteri optimates correpto et ad mortem coacto cohibere tamen semel animatas in praedam plebes nequiverunt* (Histor. adv. paganos, VI, 7, 4) — «Прочие оптиматы, схватив его и принудив к смерти, все же были не в состоянии сдержать чернь, уже возбужденную надеждой на добычу». Оргеториг, таким образом, является жертвой мирно настроенной гельветской знати, которая не хочет допустить военных действий (и выселения) и надеется, что со смертью инициатора упадет и самый план выступления. Здесь — противоречие с Цезарем, у которого гельветская знать действует заодно с Оргеторигом, пока речь идет только о миграции и воинственных замыслах, и оборачивается против него, когда становятся известными его виды на царскую власть. Однако было бы неосторожно видеть у Орозия отражение какой-нибудь старой традиции, не зависимой от Цезаря. Дело в том, что весь его рассказ о галльских войнах представляет собой только сокращенный пересказ повествования Цезаря², на которое он и ссылается, ошибочно приписывая его Светонию³: *Hanc historiam Suetonius Tranquillus plenissime explicuit* (VI, 7, 2). Таким образом, у Орозия мы имеем просто результат неумения читать лежащие перед его глазами тексты.

Из Цезаря мы видим, что Оргеториг прежде всего политическая фигура первого плана. По его предложению принимается решение о переселении, он же получает общий надзор за всем сложным делом подго-

¹ Дион Кассий зависит от Цезаря и не всегда его понимает — *Jullian*, ук. соч., III, стр. 149, прим. 1; стр. 193, прим. 1. Все, что у Диона Кассия идет не от Цезаря, является выдумкой — *САН*, IX, стр. 537, прим. 1. О зависимости Диона Кассия от Цезаря см. также *F. Münz er u P.—W.—Kr.*, s. v. *Orgetorix*, XXXV, стб. 1025 сл. Дион Кассий использовал Цезаря, имея, возможно, посредником Ливия — *W.S. Teuffel*, *Geschichte der römischen Literatur*, 1,6 Aufl.,—Lpz.—В., 1916, стр. 447. Дион Кассий, возможно, иногда пользовался источником, отличным от Цезаря, но в большинстве случаев его отступления от Цезаря — результат непонимания или небрежности — *H. J. Heller*, *Cæsars Commentarien (Jahresbericht)*, «*Philologus*», XXII, 1865, стр. 108 слл. Если *Ферреро*, ук. соч., II, стр. 3, прим.1 — приписывает Диону Кассию другой источник, более достоверный, чем Цезарь, то эта сомнительная теза явно не подходит для сообщений Диона Кассия об Оргеториге.

² *Teuffel*, ук. соч., I, стр. 448.; *F. Münz er u P.—W.—Kr.*, s. v. *Orgetorix*, стб. 1025.; *F. Wotke*, там же, s. v. *Orosius*, стб. 1191.; *A Kl o t z*, там же, s. v. *Julius Caesar*, XIX, 1917, стб. 272.

³ Очень немногие, притом без всяких доказательств, считают, что Орозий заимствовал свои данные, действительно, из какого-то произведения Светония, например, *R a u c h e n s t e i n*, ук. соч., стр. 47.

товки, специально берет на себя дипломатическую миссию¹. Большой политический кругозор, инициатива и энергия, административные и дипломатические способности, огромное честолюбие — вот характеристика Оргеторига, которую подсказывают сообщения Цезаря². В тогдашнем своем положении экстраординарного руководящего должностного лица он на общегалльской политической арене представляет собой все племя гельветов, подобно тому как впоследствии для Цезаря Дивициак и Думнориг означали два политических направления у эдуев, Ариовист — политику севов, Верцингеториг — антиримское направление в Галлии. Говорить о гельветах во время приготовления их к переселению означало говорить об Оргеториге. Если Цицерон, в Риме, пишет о набегах гельветов, не упоминая имени Оргеторига, то он — на отдалении — мог или не знать этого имени, несмотря на присутствие в Риме Дивициака, или, что кажется более вероятным, считать его неинтересным для своего корреспондента. Не так, надо думать, было в Галлии, где имя Оргеторига было у всех на устах. Его поездка к секванам и эдуям была большим политическим событием, за которым следила, вероятно, не только вся средняя и южная Галлия. Те, кто опасался нашествия гельветов, должны были, естественно, считать, что устранение Оргеторига задержит это нашествие или даже совсем предотвратит его. При том антагонизме, который существовал между двумя партиями у эдуев, сторонники римской ориентации легко могли дать знать римлянам о подозрительных переговорах Оргеторига с Думноригом. С другой стороны, и Ариовист, сидевший в области секванов, мог быть осведомлен о переговорах гельветского посла с Кастиком.

Глухое указание Цезаря на полученный гельветами донос о соглашении Оргеторига с Думноригом и Кастиком — *ea res est Helvetiis per indicium enuntiata* (I, 4,1) — уже давно вызвало интерес и попытки разгадать, откуда шел донос³. Удар, нанесенный Оргеторигу, исходил от его политических врагов, — в этом никто не сомневается. При этом называют Цезаря⁴, римский сенат⁵, аристократическую партию эдуев и одновременно Ариовиста⁶. Цезарь, слишком занятый политическими делами

¹ Была сделана попытка внести существенную поправку в объяснение роли Оргеторига путем исправления текста (*Helv. ad Caes. B. G. I, 3, Sulzbach, 1851.*) *Ad eas res conficiendas biennium sibi satis esse duxerunt; in tertium annum profectioem lege confirmant. Ad eas res conficiendas Orgetorix deligitur* (I, 3, 2—3). Две рядом стоящие фразы будто бы едва ли могли начинаться одинаковыми словами: *ad eas res conficiendas*. Было предложено считать вторую из приведенных фраз испорченной. Самое содержание ее — получение Оргеторигом исключительных полномочий по общему руководству делом подготовки — будто бы находится в противоречии с дальнейшим указанием, что он получил дипломатическую миссию. Ни то, ни другое соображение не может считаться основательным. Как отдельное слово, так и небольшая группа слов иногда повторяется у Цезаря в коротком отрывке, например, *hi omnes... horum omnium* (I, 1, 2—3), *persuasit... persuasit (I, 2, 2—3), persuadet... persuadet (I, 3, 4—5), quod si... quod si (I, 44, 12—13)*. Такие повторения являются не случайными недосмотрами, они характерны для стилей Цезаря, особенно в книге I — см. А. К л о т з, *Caesarstudien*, Lpz. u. B., 1910, стр. 5 (здесь же приведено много примеров повторения; отмеченные выше могут служить дополнением к списку А. Клотца). Смысл традиционного чтения хороший: Оргеториг руководит ходом подготовки в целом, а непосредственно на себя берет выполнение одного из самых деликатных дел — переговоры с другими племенами. Нет надобности менять традиционное чтение, принятое и в основном критическом издании (Nipperdey, 1847).

² Характеристик мы у Цезаря вообще не найдем, действующие лица характеризуются у него своими действиями и речами — см. П. О р р е т м а н н, *Caesar*, Lpz. u. B., 1933, стр. 85.

³ Неясность рассказа Цезаря породила даже в XVIII в. довольно курьезное предположение о лакуне в тексте перед словами *ea res est etc.* (I, 4,1); об этом см. — О б е г л i n u s *ad loc.* (in editione Oudendorpiana, Lpz, 1819).

⁴ E i c h h e i m, ук. соч., стр. 34, прим.

⁵ J u l l i a n, ук. соч., III, стр. 165.

⁶ F e r r e r o, ук. соч., II, стр. 438. — Ф е р р е р о, ук. соч., II, стр. 338.

в самом Риме и не имевший еще никакого отношения к трансальпийской Галлии (см. выше), едва ли может идти в счет¹. Посольство, отправленное римским сенатом в марте 60 г. до н. э. (Cic. ad Att., I, 19,2) и имевшее задачей побудить галльские племена не пропускать гельветов через их владения, во-первых, не имело непосредственной связи с гельветами, во-вторых, при своем прибытии в Галлию могло уже не застать Оргеторига в живых (хронологический порядок событий в деталях неясен). Остаются эдуи и Ариовист, против которых трудно выдвинуть какое-нибудь серьезное возражение.

Думается, однако, что мы вправе сделать здесь еще одно предположение. У новых историков — в реконструкции политической ситуации накануне галльских войн — Нарбонская провинция лежит большим инертным телом, являясь только объектом забот и опасений центрального римского правительства. Между тем именно она должна была в первую очередь реагировать на все тревожные события, которые происходили в ближайшем соседстве с ней и отчасти в ее пределах. За последние двадцать лет (если оставить в стороне более ранние времена) таких событий было много: недолговечное объединение галлов под главенством арвернов (ок. 80 г. до н. э.), волнения среди некоторых племен в самой провинции и вблизи ее (77—72 гг. до н. э.?) в связи с движением Сертория в Испанию, борьба между главенствующими племенами — эдуями и соединившимися против них арвернами и секванами, вызов последними на помощь Ариовиста с его свевами (до 62 г. до н. э.), потеря эдуями их первенствующего положения, водворение Ариовиста в области секванов и начало порабощения им этих его бывших союзников, восстание аллоброгов под предводительством Катугната (62—61 гг. до н. э.), неудачная попытка галлов сбросить германское иго, окончившаяся страшным поражением при Адмагетобриге (или Магетобриге, — начало 60 г. до н. э.?): наконец, уже отмеченные выше набеги гельветов и длительное напряженное положение на гельветской границе. Конечно, отсюда, из римской провинции, шли те тревожные сведения, о которых мы узнаем из писем Цицерона. Не подлежит сомнению существование в Риме группы влиятельных лиц, стремившихся к вооруженному вмешательству в галльские дела. Одним из видных представителей этой группы был Метелл Целер, консул 60 г. до н. э., получивший на 59 г. в управление Нарбонскую Галлию, умерший в Риме уже по окончании своего консульства, но не успевший вступить фактически в управление провинцией. По словам Цицерона, он был очень огорчен тем затишьем, которое временно наступило на гельветской границе в 60 г. вместо ожидавшейся и желанной для него войны (Cic. ad Att., I, 20,5). Тем не менее следует признать, что римский сенат проявлял недостаточную заботу о военной защите римской провинции. Правда, было дано распоряжение о новом военном наборе (Cic. ad Att., I, 19,2), но тот факт, что в момент прибытия Цезаря в Галлию — около 1 апреля 58 г. — у гельветской границы стоял только один римский легион (I, 7,2), сам по себе достаточно красноречив. Цезарь говорит о себе, что он отправился из Рима в Генаву, когда получил известие о намерении гельветов пробить себе дорогу через провинцию (I, 7,1); известие это, надо думать, было доставлено из самой провинции, и в ней же Цезарь получил все нужные ему сведения о создавшемся положении.

Римская провинция, организованная с 118 г., насчитывала уже шесть-

¹ Признаем ли мы, что Цезарь давно следил за делами в Галлии (D r u s a n n, ук. соч., III, стр. 209; D e l b r ü c k, ук. соч., I, стр. 505), или будем считать, что он прибыл в Галлию совершенно неподготовленным (F e r g e r o, ук. соч., стр. 2.—Ф е р р е р о, ук. соч., II, стр. 1), — мы ни в том, ни в другом случае не будем иметь основания говорить о его активном вмешательстве в галльские дела до прибытия в Галлию.

десять лет своего существования и была хорошо освоена римским государством. Римское население провинции было многочисленно: римские поселенцы, ветераны, торговцы, разного рода управляющие и надзиратели, мастера, сборщики налогов, ростовщики, дельцы, поставщики рабов, авантюристы¹. Большая часть галльского населения провинции уже примирилась с римской властью. Последние частичные волнения в провинции относятся ко времени Сертория, а самое последнее, хотя и недавнее (62—61 гг. до н. э.), не выходило за пределы одного племени — аллобровгов. Во время своих галльских войн Цезарь имел в своем непосредственном окружении галлов из провинции, из них некоторые уже во втором поколении были римскими гражданами. Римская провинция была не только спокойным тылом, но в значительной степени военной базой, поставлявшей солдат для пополнения легионов и отчасти — преданных офицеров, особенно пригодных для выполнения поручений, требовавших хорошего знакомства с галльскими способами войны и знания галльского языка². В Нарбонской Галлии находился римский правитель (мы не знаем имени правителя 60 г. до н. э., которого должен был сменить Метелл Целер) со своим квестором и большой свитой молодых римлян, которую обычно привозил с собой из Рима всякий правитель для исполнения поручений административного и частного характера. Правитель Нарбонской Галлии имел в своих руках такое оружие, как декрет сената, уполномочивавший его принимать необходимые меры для защиты союзников (I, 35, 4). Тесные торговые связи между независимой и римской Галлиями (*mercatores* — I, 1, 3 et passim), курьеры, циркулировавшие между ними (*punctii* — I, 44, 12), особенно близкие отношения между Римом и союзными эдуюми, мост из Генавы к гельветам (I, 6, 3) — доказательство прямых сношений между провинцией и гельветами — вот все то, что давало возможность римлянам и романофильским элементам провинции быть в курсе политических событий у соседних и более далеких от провинции племен и, в случае необходимости, своевременно принимать свои контрмеры. Донос на Оргеторига и мог быть написан в римской провинции и отправлен гельветам с вполне определенным расчетом: авторы доноса не могли не знать, что за двадцать лет до этого подобное же обвинение погубило арверна Целтилла (VII, 4, 1)³.

Устранение Оргеторига имело большие последствия, о которых Цезарь не говорит. Как уже упоминалось выше, мы узнаем из писем Цицерона о некотором, хотя и кратковременном, разрежении политической атмосферы; в новой исторической литературе имеются предположения об изменении первоначального широкого плана гельветов⁴. Это, думается, еще не все. Смерть Оргеторига разрушила связь между гельветами и теми племенами, к которым он был отправлен послом: секваны впоследствии не хотели пропустить через свою землю гельветов, потребовалось ходатайство расположенного к гельветам эдую Думнорига (I, 9, 3—4); через страну эдуев гельветы проходят не как друзья, а как враги, так что те обращаются с жалобой на них к Цезарю (I, 11, 1—3). В поведении гельветов заметно отсутствие единого твердого руководства, единой направляющей воли. Они, правда, доводят до конца выполнение всех подготовительных мер по плану Оргеторига (I, 4), но в дальнейшем действуют

¹ См. *M o m m s e n*, ук. соч., III, стр. 225.; *J u l l i a n*, ук. соч., III, стр. 100, 191.

² См. *J u l l i a n*, ук. соч., III, стр. 192.

³ О Целтилле см. *J u l l i a n*, ук. соч., III, стр. 136 сл.—здесь же предположение о том, что в истории с гибелью Целтилла дело не обошлось без римлян.

⁴ *F e r r e r o*, ук. соч., II, стр. 431—439.—*F e r r e r o*, ук. соч., II, стр. 334 сл.; *J u l l i a n*, ук. соч., III, стр. 194 сл.

нерешительно, с большой медлительностью, теряют время на бесплодные переговоры, давая возможность противнику укрепить границу и собраться с силами, — одновременно и готовы вступить в соглашение с римлянами, и не могут удержаться от опустошений в стране их союзников. Может быть, не покажется слишком смелым предположение о двух борющихся между собой течениях среди гельветов, из которых брало верх то одно, то другое. Нежелание шести тысяч человек вербигенского пага подчиниться решению главного командования о мирном соглашении с Цезарем, их неудачная попытка уйти к Рейну (I, 27, 4) могли быть последним и самым резким проявлением борьбы двух течений, существовавших с самого начала.

Закончив рассказ о смерти Оргеторига, Цезарь начинает изложение последующих событий словами: *Post eius mortem nihilo minus Helvetii id, quod constituerant, facere conantur, ut e finibus suis exeant* (I, 5, 4) — «Тем не менее после его смерти гельветы пытаются осуществить то, что постановили, то есть выйти из своих пределов».

В словах *nihilo minus* («тем не менее») иногда видят выражение удивления Цезаря тем, что после гибели Оргеторига гельветы не прекратили своих приготовлений¹. Прежде чем дать новое объяснение этому *nihilo minus*, а вместе с тем и всему характеру рассказа Цезаря об Оргеториге, нам необходимо остановиться на двух исторических моментах с точки зрения позиции Цезаря по отношению к сошедшему со сцены вождю гельветов. Эти моменты: во-первых, апрель и ближайшие месяцы 58 г. до н. э. — прибытие Цезаря в Галлию и гельветская война; во-вторых, зима 52/51 гг. до н. э. — время составления и издания первых семи книг истории Галльской войны².

Цезарь прибыл в Галлию в то время, когда гельветы, готовые к вступлению в римские владения, стояли на берегу Родана. Непосредственная гельветская опасность заслонила собой более серьезный по существу вопрос о взаимоотношениях с Ариовистом. Цезарь в это время всецело поглощен передвижением легионов, возведением укреплений, преследованием гельветов, военными действиями против них, переговорами. Начинается большая война, которая нужна ему для создания военной славы, преданного войска, опытных офицерских кадров, материальной базы (военная добыча) — всего того, чего ему до сих пор не доставало. С Оргеторигом Цезарю не пришлось иметь дела, вдохновитель похода гельветов в это время не был больше живым действующим лицом. Помещая его — если не в центре, то все же во главе событий, Цезарь, однако, ограничивает его роль указанием на различные настроения среди самих гельветов (не стремясь при этом придать своему рассказу особенной слаженности),

¹ Так, Ферггего, ук. соч., II, стр. 433. — Ферреро, ук. соч., II, стр. 328 сл.

² Время написания Цезарем семи книг — зима 52/51 гг. до н. э. — M. Schanz, *Geschichte der römischen Literatur*, I, 4. Aufl., v. C. Hosius, München, 1927, стр. 337; Теффел, ук. соч., I, стр. 447.; Julian, ук. соч., III, стр. 149; A. Klotz у P.—W.—Kr., s. v. Julius (Caesar), XIX, стб. 269. Несколько шире датирует S i h l e r, ук. соч., стр. 233: с конца лета 52 г. до конца сентября 51 г.; после 52 г. — M. R a d i n, *The date of composition of Caesar's Gallic war*, «Classical Philology», 13, 1918, стр. 299. Цезарь написал свои Комментарии как пропагандистское произведение, имея в виду консульские выборы 50 г. — C. E. Stevens, *The Bellum Gallicum as a work of propaganda*, «Latomus», II, 1952, стр. 179. Единовременное издание всех семи книг «Записок о Галльской войне» — сразу же после победы над Вердингеторигом — признает и убедительно защищает R a m b a u d, ук. соч., стр. 9, 132, 311, 348, 364, указывая на стилистическое единство всех книг и на то, что в «Записках» нет ни одного места, которое противоречило бы такой датировке. На другой точке зрения (каждая книга написана после соответствующего года войны) стоит, например, Chr. E b e r t, *Ueber die Entstehung von Caesar's Bellum Gallicum*, Diss. (Erlangen), Norimbergae, 1909, стр. 37.

а затем констатирует, что и после его смерти племя не оставило своих воинственных планов. Иными словами: те, кто ожидал перемен после смерти Орбеторига, ошиблись; Цезарь нашел в Галлии ту же опасность, которая была и при жизни Орбеторига.

Зимой 52/51 г. до н. э. Цезарь в течение короткого времени (*celeriter* — Гирций) составил свои «Записки», предназначенные для широких кругов читателей в Риме, а может быть, и в римской Галлии. Положение его в это время определялось достигнутыми в Галлии успехами и враждебным отношением к нему сената и Помпея в Риме. Сенат внимательно следил за действиями римского полководца в Галлии. Два раза по случаю побед римского оружия были назначены неслыханные дотоле длительные суппликации (II, 35, 4; IV, 38, 5), что было признанием исключительности военных заслуг Цезаря. Однако независимое поведение Цезаря во главе проделавших с ним многолетнюю кампанию легионов и огромный рост его популярности в Италии (см. проявление ее несколько позднее — VIII, 51) внушали тревогу и не раз вызывали враждебные выпады влиятельных сенаторов. Недалек был конец второго срока чрезвычайных полномочий Цезаря в Галлии. Было совершенно ясно, что нет надежды на новое продление полномочий, что будет сделано все возможное, чтобы вырвать из рук Цезаря армию и провинцию. Огромная завоеванная Цезарем территория, правда, еще не была организована как провинция, продолжались еще некоторые военные действия, но капитуляция Верцингеторига давала повод думать, что в скором времени последует полное усмирение всех еще не сложивших оружие племен¹.

Вышедшая в такой ответственный момент книга должна была сослужить ее автору очень важную службу. Давая в выгодном для него освещении полную, богатую конкретными подробностями картину многолетней тяжелой войны в малознакомой стране, она напоминала о победах, завоеваниях, могуществе Цезаря. Цезарь — полководец, заботливый и любимый воинами командир, дипломат — встает перед нами и перед римским читателем во весь свой рост. Результат его деятельности в Галлии — присоединение большой и богатой провинции. Действительно ли, как иногда думают, Цезарь был особенно озабочен приисканием моральных оправданий для своих действий? Эта сторона дела не была для него безразличной, как можно убедиться из ряда мест его книги (например, I, 14, 4—5; III, 10, 1—2; IV, 13, 1), но центр тяжести был в другом. Говоря о себе в третьем лице, избегая слишком бросающегося в глаза частого повторения своего имени, местами отдавая должное заслугам подчиненных ему командиров, Цезарь тем не менее искусно показывает нам значение своего личного участия в деле, своего руководства и отдельных распоряжений. Речь Цезаря поднимает упавший дух командиров перед столкновением с Ариовистом (I, 40). Присутствие Цезаря вдохновляет воинов на подвиги (III, 14, 8; IV, 25, 3—5; VI, 8, 3—4; VII, 62, 2). В особенно важных случаях Цезарь сам берется за оружие, подавая пример воинам (II, 25). Под его командованием воины готовы переносить любые трудности (VII, 17, 5—7). Неудачи случаются в результате нарушения приказаний Цезаря (VI, 36; ср. VI, 42, 1). Цезарь находит выход из затруднительного или тяжелого положения и добивается успеха (I, 25, 1—5; II, 7—12; IV, 25, 1—2; 31; 34, 1—2; 37, 2—4; V, 15, 3—4; VII, 86; 87; 88). Цезарь изменил всю политическую ситуацию в Галлии: до его прихода главенство захватили, с помощью Ариовиста, секваны, он вернул старым союзникам Рима — эдуям — их прежнее первенствующее положение, на второе место поставил своих

¹ О некотором преувеличении у Цезаря роли Верцингеторига и значения победы над ним см. R a t h a u d, ук. соч., стр. 311.

верных союзников ремов (VI, 12). Ложная весть о том, что Цезарь из-за событий в Риме не может вернуться к своему войску, служит сигналом к началу последнего общего восстания галлов под предводительством Верцингеторига (VII, 1, 2—8).

На этом фоне понятна некоторая небрежность и непоследовательность рассказа об Оргеториге: последний жил и действовал до прибытия Цезаря в Галлию, и весь эпизод с ним имел значение лишь постольку, поскольку доказывал существование опасности со стороны гельветов и неизбежность войны с ними. Своим *nihilominus* Цезарь хочет сказать: как бы то ни было, смерть Оргеторига ничего не изменила, гельветская проблема оставалась столь же серьезной, какой была и раньше. Это — как бы ответ Цезаря на те взгляды и настроения римских правящих кругов, которые отразил Цицерон в одном из своих писем (*ad Att.*, I, 20, 5).

Эпизод Оргеторига сам по себе не нужен Цезарю, его роль в рассказе Цезаря — вспомогательная. Если Цезарь не опускает его и не ограничивается простым указанием на враждебные Риму планы гельветов, то для этого должны быть особые основания:

1. Оргеториг был слишком хорошо известным в Галлии человеком, его деятельность проходила совсем недавно на глазах у современников Цезаря, чтобы можно было о нем умолчать. Кроме того, широкие и смелые планы завоеваний, приписываемые Цезарем гельветам, как бы приобретали, благодаря имени Оргеторига, характер подлинных и бесспорных.

2. Излюбленная манера Цезаря — приводить факты и обстоятельства недавнего или более отдаленного прошлого, связанные с современной ему ситуацией или характеризующие упоминаемых им людей. Тигуринский паг гельветов нанес на памяти предшествовавшего поколения поражение консулу Люцию Кассию и заставил римское войско пройти под ярмом (I, 12, 5—7). Свевы Ариовиста могут перейти границу римской провинции и устремиться в Италию, как когда-то сделали кимвры и тевтоны (I, 33, 4). В консульство М. Мессалы и М. Пизона сенат постановил, чтобы правитель римской провинции заботился о защите эдуев и других союзников (I, 35, 4), и т. д. Таким же образом планы гельветов в рассказе Цезаря восходят ко времени деятельности Оргеторига.

3. Рассказ об Оргеториге мог преследовать еще одну цель. Известна история взаимоотношений Цезаря с Думноригом, главой демократической партии эдуев. Цезарь постепенно подготавливает читателя к трагической развязке. Думнориг, предводительствуя конницей эдуев, посланной на помощь Цезарю, сразу же начинает двойную игру и испрашивает у секванов свободный пропуск через их территорию для гельветов (I, 9, 3). Он стремится стать царем и хочет привязать к себе как можно больше галльских племен путем оказания им услуг (там же). Во время гельветской войны он находится в тайных сношениях с врагами, которым он передает нужные им сведения (I, 17, 5). Он — виновник задержки в поставке хлеба римскому войску эдуями (I, 17, 2). Во время стычки с гельветами он первый со своими всадниками обращается в бегство, увлекая за собой остальных (I, 17, 10). Цезарь получает совершенно бесспорные доказательства предательского образа действия Думнорига, но не применяет никаких репрессивных мер, снисходя к просьбам брата Думнорига — Дивичиака, известного своей давней преданностью Риму, — и ограничивается установлением строгого наблюдения за действиями Думнорига (I, 17; 18; 19; 20). Впоследствии, в пятый год галльских войн, Цезарь узнает, что Думнориг осмелился на собрании эдуев объявить о передаче ему Цезарем царской власти над родным племенем (V, 6, 2). Когда на его просьбу освободить его от участия в походе на Британию Цезарь отвечает отказом, Думнориг начинает уговаривать галльских вождей не следовать за римля-

нами на остров, залугивая их тайными замыслами Цезаря убить их всех в чужой стране и пытаясь сплотить их вокруг себя (V, 6, 3—6). Свое последнее предательство Думнориг совершает во время посадки римского войска на корабли для переправы в Британию: вместе с конницей эдуев он делает неудачную попытку бежать, но, настигнутый погоней, не желая сдаться, оказывает сопротивление и гибнет. Без упоминания о сговоре с Оргеторигом относительно взаимной помощи при захвате царской власти с дальнейшими планами гегемонии над всей Галлией (I, 3, 5; 9, 3; 18, 7) в цепи преступлений Думнорига не доставало бы начального, самого важного, звена.

* * *

Для предотвращения грозной гельветской опасности никаких реальных мер не было предпринято до прибытия Цезаря в Галлию — вот, что должен был понять читатель «Записок о Галльской войне». Сенатусконсулт, дававший широкие полномочия правителю римской провинции для действий в Галлии, не имел никаких практических последствий до прибытия Цезаря. Первые реальные меры против гельветов были приняты Цезарем: разрушение моста у Генавы (I, 7, 2), укрепление границы (I, 8, 1—2), большой призыв новобранцев из провинции (I, 7, 2), перевод трех легионов из-под Аквилей (I, 10, 3), набор двух новых легионов в цизальпийской Галлии (там же: *duasque ibi legiones conscribit*, — говорит Цезарь, хотя из-за слишком короткого срока пребывания его по сю сторону Альп — речь может идти только об окончательном оформлении уже ранее произведенного набора).

Таким образом, с первых же глав книги читателю внушается вывод, что Цезарь первый обеспечил неприкосновенность римской провинции в Галлии. Но ко времени выхода в свет «Записок» вся Галлия (так, по крайней мере, представляет дело Цезарь) уже находилась под римской властью, и Цезарь нашел способ почти прямо сопоставить в той же I-й книге неумелую политику сената, из-за которой даже римская провинция постоянно находилась под ударом, со своим смелым образом действий, не только доставившим спокойствие римским владениям, но и приведшим к покорению всей Галлии.

Как известно, собственно наступательные действия Цезаря начинаются с кампании против Ариовиста и его свевов. Столкновению предшествуют попытки переговоров. Требования Цезаря сводились формально к восстановлению того положения, которое установилось до поражения галлов при Адмагетобриге. Ариовист не соглашается на уступки. Вокруг тех же вопросов идет обмен мнений и во время свидания двух вождей. Здесь не место давать подробный разбор речей Цезаря и Ариовиста. Нас интересует только большая ответная речь германца (I, 44). Общий смысл ее не вызывает сомнений: Ариовист отказывается выполнить требования Цезаря и обосновывает свое право на господствующее положение в Галлии. В исторической литературе речь эта нередко признается соответствующей тому, что было в действительности сказано¹. Однако то, что мы читаем у Цезаря, есть все же его композиция, пусть составленная на основе подлинных слов Ариовиста. Разумеется, вышколенному римлянину, мастеру устной речи (см. Cic., *Brutus*, 252), а не необразованному германцу мы припишем строгую логическую последовательность речи. Далее, Арио-

¹ См., например, D r u m a n n, ук. соч., III, стр. 228.; D u r u y, ук. соч., III, стр. 150.; M o m m s e n, ук. соч., III, стр. 255; G. C o l o m b, *Campagne de César contre Arioviste*, «Revue archéologique», 3 Série, XXXIII, 1898, стр. 50.; K l e b s y P.—W., s. v. *Ariovistus*, II, стб. 844.; J u l l i a n, ук. соч., III, стр. 153, 233 слл.; САН, IX, стр. 553.

вист — «не настолько варвар и неосведомленный в делах» — *non se tam barbarum neque tam imperitum esse rerum* (I, 44, 9) в глазах римского полководца, а не в своих собственных. Цезарь и в других местах употребляет подобные же выражения: морины через послов называют себя *barbari et nostrae* (т. е. римской) *consuetudinis imperiti* (IV, 22, 1); о свевах Цезарь говорит от себя: *barbaros atque imperitos homines* (VI, 10, 2); эбурон Амбиориг о себе — *non adeo sit imperitus rerum* (V, 27, 4). Таким образом, в речи Ариовиста мы имеем вывод Цезаря, может быть, мысль, мелькнувшую у него во время самого обмена мнений, — во всяком случае осязаемый след работы Цезаря над этой речью.

Вызывают некоторое удивление вводные слова Цезаря к этой речи — *Ariovistus ad postulata Caesaris pauca respondit, de suis virtutibus multa praedicavit* (I, 44, 1) — «Ариовист на требования Цезаря отвечал немного, а о своих доблестях распространялся много». В действительности вся речь представляет собой ответ на требования Цезаря по существу, а о доблестях (*virtutes*) вообще ничего не говорится, если только мы не пожелаем, делая этим большую натяжку, увидеть косвенные намеки на справедливость (§§ 2—3), храбрость (§ 4), чувство собственного достоинства (§ 5), предусмотрительность (§ 6), политическую осведомленность (§ 9), великодушие (§ 12); но и в этом случае противопоставление — *ad postulata — pauca, de virtutibus — multa* — не будет оправдано. Можно было бы выйти из затруднения, допустив, что Цезарь приводит не всю речь, а только ту ее часть, в которой заключается ответ на его предложения, хотя цитированные выше вступительные слова Цезаря едва ли оправдывают такое допущение. Тогда сталкиваемся с новым вопросом: почему это немногое (*pauca*) оказывается почти в полтора раза больше обеих речей самого Цезаря, вместе взятых, из которых первая содержит его предложения (I, 43, 4—9), а вторая, по словам автора, пространные возражения или сокращенное изложение таких возражений (*multa... dicta sunt*) на ответ Ариовиста (I, 45)?

Речь Ариовиста выделяется своим размером: это одна из пяти самых больших речей у Цезаря (ср. I, 31; 40; V, 27; VII, 77). Размер речи, отмеченная особенность вступления, как бы дающего этой речи заглавие, не соответствующее прямому ее смыслу, выделяют ее из ряда других речей у Цезаря. Обращает на себя внимание и то, что это, пожалуй, единственный во всем труде Цезаря случай подробного мотивированного изложения вражеской точки зрения. Всего этого, думается, достаточно, чтобы возбудить наше любопытство.

Речь построена искусно, в аргументации нет ничего не относящегося к делу. Однако один параграф ее уже давно вызвал подозрение, что в нем таится особый смысл. *Quod si eum (i. e. Caesarem) interfecerit, multis sese nobilibus principibusque populi Romani gratum esse facturum: id se ab ipsis per eorum nuntios compertum habere, quorum omnium gratiam atque amicitiam eius morte redimere posset* (§ 12). — «Если же он (Ариовист) убьет его (Цезаря), то сделается угодным многим знатным и главенствующим людям римского народа: об этом он узнал от них самих через их вестников, — милость и дружбу всех их он может купить ценой его (Цезаря) смерти». Роль этого параграфа в общей композиции речи понятна: Ариовист дает понять Цезарю, что имеет в своих руках оружие, которым он воспользоваться не хочет, надеясь на приемлемость для Цезаря того предложения о полюбовной сделке, которым заканчивается вся речь (§ 13). Считается, что это или нечто подобное действительно говорил Цезарю Ариовист¹, надеясь доказать ему необходимость примириться с хозяй-

¹ D u r u, ук. соч., III, стр. 150, прим.; D r u m a n n, ук. соч., III, стр. 228; M o m m s e n, ук. соч., III, стр. 255.

ничанием германцев в Галлии и подумать о своих политических противниках в Риме.

Римская знать не брезгала соглашениями с внешним врагом, если он мог быть ей полезен для борьбы с внутренним противником¹. С другой стороны, Ариовист, обязанный своим могуществом в Галлии соперничеству между галльскими племенами, рассчитывал на еще большие выгоды от вмешательства — в качестве союзника Цезаря — в римские дела, которые он представлял себе по аналогии с галльскими². Указывают на то, что этому параграфу в речи Ариовиста Цезарь придавал особое значение: это — тяжелое обвинение против политических врагов Цезаря в Риме³, раскрывающее их темные сношения с Ариовистом, уже побежденным и изгнанным к моменту выхода «Записок».

Итак, своеобразие разобранного пассажа в том, что он имел двойной смысл: один — соответствующий изображаемому моменту (Ариовист обращается к Цезарю), другой — более широкий и особенно острый с точки зрения политической борьбы 52/51 г. (Цезарь обращается к римскому читателю). Опираясь на все сказанное выше о своеобразии обрамления и подачи речи Ариовиста и на только что изложенное обычное понимание предпоследнего ее параграфа, попробуем распространить принцип двойного толкования на речь Ариовиста в целом. Может быть, окажется, что этот параграф только более непрямо говорит о том же, о чем говорят и остальные.

Для краткости и удобства слова Ариовиста будут даны не в переводе, а в двух параллельных конспективных изложениях применительно к двум предполагаемым нами назначениям речи.

58 год

Ариовист — Цезарю

§ 2. Ариовист перешел Рейн по вызову самих галлов, которые добровольно уступили ему землю и дали заложников; дань он собирает с галлов по праву победителя.

§ 3. Не он начал на галлов, а галлы на него; он победил в одной битве все галльские племена.

§ 4. Если галлы хотят новой войны, он готов сражаться; если хочет мира, пусть продолжают платить дань.

§ 5. Он готов отказаться от дружбы римлян, если она влечет за собой потерю завоеванных им выгод и преимуществ.

51 год

Цезарь — римскому читателю

§ 2. Цезарь нашел в Галлии прочно обосновавшегося в ней Ариовиста. (Ср. — теперь Ариовиста в Галлии больше нет).

§ 3. Римский сенат позволил Ариовисту победить галлов, среди которых были и давние союзники римлян. (Ср. — Цезарь победил и изгнал германцев).

§ 4. Римским союзникам оставалось только или взяться за оружие, или покорно продолжать уплату дани. (Ср. — это положение изменил Цезарь).

§ 5. Ариовист хотел извлечь выгоду из звания «друга римского народа», полученного им в 59 г. в консульство и при содействии Цезаря (I, 35, 2; 43, 5). (Цезарь дал ему понять, что это звание обязывает его самого к уступкам).

¹ D r u m a n n, ук. соч., III, стр. 228, прим. 2; S i h l e r, ук. соч., стр. 86.

² M o m m s e n, ук. соч., III, стр. 255.

³ A. K o l t z, Caesarstudien, стр. 25; S i h l e r, ук. соч., стр. 86, прим. 18; R a m b a u d, ук. соч., стр. 237 (последний доказывает, что вся история сношений между Цезарем и Ариовистом тенденциозно аранжирована Цезарем, стр. 115 слл., 128 сл.).

§ 6. Он призывает новые толпы германцев не для нападения на галлов, а для самозащиты.

§ 7. Он прибыл в Галлию раньше римлян. Римское войско никогда до сих пор не выходило за пределы провинции.

§ 8. Чего ищут римляне во владениях Ариовиста? Эга Галлия принадлежит ему по тому же праву, по какому римляне владеют провинцией.

§ 9. Хотя римский сенат и назвал эдуев братьями, однако Ариовисту хорошо известно, что ни эдуи не оказывали римлянам помощи во время последней войны с аллоброгами, ни римляне не помогали им в их борьбе с секванами и Ариовистом.

§ 10. Он подозревает, что Цезарь только прикрывается именем дружбы, в действительности же он привел свое войско в Галлию с враждебными Ариовисту целями.

§ 11. Если Цезарь со своим войском не уйдет, Ариовист будет считать его не другом, а врагом.

§ 6. Галлия была открыта для новых вторжений германцев.

(Ср.— Цезарь покончил с германскими нашествиями вообще и сам дважды вторгался в Германию).

§ 7. Римское войско действительно до тех пор не выходило за пределы провинции. Цезарь первый тогда перешел границу¹.

(Ср.— в результате через несколько лет германцы изгнаны, все галльские племена приведены к покорности).

§ 8. Ариовист мог говорить с римским полководцем как равный с равным. Фактически к началу кампании германец был таким же хозяином неримской Галлии, каким Рим был в своей провинции.

(Ср.— сейчас римляне, благодаря Цезарю, являются единственными господами всей Галлии).

§ 9. Признание римским сенатом эдуев братьями римского народа оставалось мертвой формулой: эдуев не привлекли на помощь для подавления восстания аллоброгов; с другой стороны, римляне безучастно смотрели на их неудачную борьбу с секванами и Ариовистом.

(Ср.— Цезарь сделал союз с эдуями действенным орудием своей политики в Галлии: конница эдуев во все время войны была в его распоряжении, эдуи поставляли хлеб его войску, он властно вмешивался во внутренние дела этого племени, а завоевание Галлии сумел прикрыть благовидным предлогом — возвращение эдуям их положения главенствующего племени).

§ 10. Ариовист сразу понял, что с приходом Цезаря положение меняется. (Ср.— как показали позднейшие события, Цезарь действительно имел в виду изгнание германцев из Галлии).

§ 11. Положение было таково, что никаких других отношений, кроме враждебных, между Римом и Ариовистом быть не могло.

¹ Наше толкование этого места совпадает с объяснением R a m b a u d, ук. соч., стр. 237; Цезарь— устами своего врага— напоминает римлянам о том, что он был первым римлянином, решившимся повести войска за границы римской провинции в Галлии. Следует указать, что в одной из работ Христосфера Целлария отмечено несоответствие разбираемого здесь утверждения Цезаря с действительностью (Chr. Cellarius, De Julii Caesaris adversus Ariovistum regem alicisque Germanos gestis bellis, § 27.—Dissertationes academicae... cura et studio J. G. Walchii, Lipsiae, 1712, стр. 545).

§ 12. Представители римской знати через своих вестников предлагали Ариовисту убить Цезаря.

§ 13. Если Цезарь признает власть Ариовиста над Галлией, Ариовист щедро наградит его и согласен взять на себя ведение любых войн в интересах Цезаря.

§ 12. В это время многие представители правящих кругов в Риме находились в тайных сношениях с врагом, которого они подстрекали к убийству Цезаря.

§ 13. Ариовист выражал согласие пойти на сделку с Цезарем — с большими выгодами для последнего, но в ущерб интересам Римского государства. (Ср. — в противоположность своим политическим противникам, которые искали помощи у врага, Цезарь не пожелал воспользоваться вооруженной помощью, которую предлагал ему сам Ариовист взамен признания власти германцев над Галлией)¹.

То многое (*multa*), что в следующей главе высказывает Цезарь в ответ на речь Ариовиста, укладывается в два пункта. Первый — не в обычае Цезаря и римского народа покидать на произвол судьбы своих союзников (45,1). Второй — арверны и рутены, то есть племена, не включенные в римскую провинцию, были разбиты консулом Кв. Фабием Максимом (в 121 г. до н. э., до организации римской провинции); Рим победил их, но оставил им их свободу; таким образом, если основываться на праве давности, то Галлия должна принадлежать римлянам, если, по мнению сената, она должна оставаться свободной (I, 45, 1—3). Нетрудно видеть, что первый пункт — общее принципиальное положение, из которого вытекала неизбежность войны с неуступчивым Ариовистом, — еще сильнее оттеняет перелом в отношениях с эдуюми, произведенный Цезарем. Недаром в этой связи Цезарь на первом месте упоминает о себе — *peque suam peque populi Romani consuetudinem pati* (I, 45, 1) — «несовместимо ни с его обыкновением, ни с обыкновением римского народа». Что же касается второго пункта, то чисто словесное опровержение выдвинутых Ариовистом аргументов (поражение арвернов и рутенов было при слиянии Исары с Роданом, то есть на территории, вошедшей в состав римской провинции) заканчивается ссылкой на решение сената — *iudicium senatus* (I, 45, 3), по которому Галлия должна была быть свободной. Тот и другой пункт не в состоянии поколебать выставленных в речи Ариовиста утверждений, что до Цезаря римская власть не помогала своим галльским союзникам и не решалась предпринимать наступление за пределы провинции. Таким образом, ответ Цезаря Ариовисту, являясь возражением в одном смысле, был в другом смысле подтверждением, иначе говоря — дополнением к речи Ариовиста.

Центральное положение речи Ариовиста не только в системе трех речей, произнесенных во время свидания (I, 43; 44; 45), но и вообще во всей истории переговоров Цезаря с германским предводителем можно доказать тем, что она концентрирует в себе в наиболее развернутом виде все вопросы, поднятые во время этих переговоров (ср. I, 34; 35; 36). Принимая во внимание, что обмен посольствами и последовавшие за ним свидания Цезаря с Ариовистом служат общим введением к рассказу о наступательных действиях Цезаря в Галлии, мы вправе заключить, что именно в разобранной

¹ В этом § 13 уже *Jullia* п, ук. соч., III, стр. 234, прим. 1, усматривает намерение Цезаря показать, что он не бросил в жертву своим личным интересам достоинство римского государства; следовало бы, может быть, подчеркнуть момент сравнения с поведением политических противников Цезаря.

речи Ариовиста содержится разъяснение всего значения галльских войн. Обосновывая точку зрения свевского вождя, эта речь одновременно преследует дополнительную цель — показать заслуги Цезаря путем слабо прикрытого сравнения его деятельности с политикой сената. Галлия давно уже внушала величайшие опасения дальновидным руководителям римской политики — так говорил Цицерон в 56 г.¹: *nemo sapienter de republica nostra cogitavit iam inde a principio huius imperii, quin Galliam maxime timendam imperio putaret* (*De provinciis consularibus*, 33). Эту Галлию подчинил власти Рима не кто иной как Цезарь — таково то заключение, которое делал читатель, ознакомившись с «Записками о Галльской войне».

При этом местами пускаются в ход приемы прямого обвинения противников Цезаря (§ 12), чаще — слегка завуалированного сопоставления того, что было до Цезаря, с тем, что сделано им (§ 8; 9; 13). В последнем случае фраза иногда построена так, что она могла бы — с небольшими синтаксическими изменениями — фигурировать во введении к истории галльских войн.

Вывод: Цезарь заставляет Ариовиста агитировать в его пользу в Риме в 51 г. той речью, которая в 58 г. обосновывала позицию Ариовиста против Цезаря, иначе говоря — устами Ариовиста Цезарь сам восхваляет свою деятельность в Галлии.

Итак, рассказ об Оргеториге и речь Ариовиста имеют одну и ту же направленность: служить политическим целям Цезаря, свидетельствуя перед римской (а может быть, и галло-римской) читающей публикой о его заслугах перед Римским государством. Рассказ об Оргеториге может выполнять эту функцию своими недостатками — давая не слишком четкий рисунок деятельности человека, начавшейся и окончившейся до прибытия Цезаря в Галлию; речь Ариовиста — своими достоинствами — ярким изображением ситуации, найденной Цезарем в 58 г., изображением, вызывающим на сравнение с ситуацией 52/51 гг., созданной Цезарем. Отсюда — ясность и последовательность в речи Ариовиста и отсутствие таковых в рассказе об Оргеториге.

¹ Речь Цицерона *De provinciis consularibus* датируется 56 г. коптом мая (*Teuffel*, ук. соч., I, стр. 383) или июнем (*C. Sanders*, *The date of Cicero De provinciis consularibus*. «*Classical Philology*», 12, 1917, стр. 304 сл.; *M. Gelzer* у.р.—w.—kr.—*Mittelhaus*, s. v. *Tullius*, 13, стб. 941).

